

густыя волосы, надѣваются тубетейки, даются татарскія имена ¹⁷⁾ и проч. Татары-магометане отличаются вообще ревностью къ своей вѣрѣ и замѣчательнымъ умѣньемъ распространять ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они хитры и изворотливы; они знаютъ законъ о совратителяхъ, и никакъ нельзя официальнымъ путемъ услѣдить ихъ пропагаторскія дѣйствія между отпадшими. Есть частныя свѣдѣнія, что нѣкоторые трехъ-избинскіе чуваша посѣщаютъ мечети, но магометане, конечно, въ этомъ не сознаются, и отступники единогласно увѣряютъ, что они не входятъ ни въ какія сношенія съ магометанами.

Н. Новорускій.

(Окончаніе будетъ).

Замѣчательный случай, происшедшій при намѣреніи австрійскаго лжепопа причастить православнаго ребенка.

По обязанности миссіонера, 3 іюня настоящаго года, прибывъ въ с. Ишеевку, Симбирскаго уѣзда, для собесѣдованія съ мѣстными раскольниками по австрійскому священству, я, какъ и обычно, попросилъ приходскаго священника о. С. П. Снѣгирева собрать отпадшихъ. Ревностный пастырь сдѣлалъ распоряженіе объ увѣдомленіи раскольниковъ, а нѣкоторыхъ изъ числа своихъ прихожанъ увѣдомилъ самъ, указавъ и мѣсто для бесѣды въ

¹⁷⁾ Достаточно бѣлаго просмотра списка трехъ-избинскихъ чувашъ, отпадшихъ отъ христіанства, чтобы убѣдиться, что онъ пестритъ татарскими именами (Шарипъ, Хакимъ, Мухтѣръ, Керимъ и пр.). Въ исторіи религіознаго блужданія инородцевъ тюрко-татарскаго и финскаго племенъ встрѣчались и такія явленія, что населеніе цѣлыхъ селеній, по усвоеніи магометанской религіи и внѣшнихъ чертъ татарскаго быта, ассимирировалось съ татарскимъ племенемъ. Такъ по достовѣрному народному преданію, населеніе деревни Старые Какерди, Бунскаго уѣзда, состояло изъ чувашъ и мордвы, теперь же считается татарскимъ. Въ Чепкасахъ-Ильметевѣ (татарской деревни) значительный процентъ магометанъ тоже составляютъ чуваша. Въ послѣдней деревнѣ есть часть чувашъ въ переходномъ, такъ сказать, состояніи: наружный видъ сохранился, а языкъ и, вѣроятно, религіозныя понятія утрачены и замѣнены татарскими. Приходилось встрѣчать Ильметевскихъ подростковъ-чувашъ, которые или совсѣмъ по чувашски не говорятъ, или говорятъ, но плохо, а татарскимъ языкомъ владѣютъ въ совершенствѣ, какъ бы роднымъ.

только что отстроенномъ зданіи церковно-приходской школы. Раскольниковъ явилось на собесѣдованіе только четверо, которые какъ мнѣ извѣстно, состоятъ въ селѣ заправилами раскола, крайне невѣжественны, не умѣютъ даже сказать, къ какой партіи они относятся: окружниковъ или противокружниковъ, давно ли появилась ихъ іерархія, о ея родоначальникѣ хотя и знаютъ, чтиль былъ Амвросій, но считаютъ его, по крайней мѣрѣ, современникомъ патр. Никона и пр. На вопросъ; какого они упованія? — отвѣчаютъ: „христіане; отъ ереси приходящихъ принимаемъ“. На миссіонеровъ подобныя лица смотрятъ, какъ на своихъ заклятыхъ враговъ, способныхъ обнажить предъ православными всю грязь и тину мутнаго болота раскольническихъ лжеученій.

Едва я переступилъ порогъ Ишеевской школы, гдѣ предположено было вести бесѣду, какъ ко мнѣ, низко кланяясь, съ глазами, полными слезъ, бросилась крестьянская вдова, села Ишеевки Симб. у., лѣтъ подь 50, Евдокія Стенановна Мартышкина, со словами: „Батюшка, защитите!“ Съ перваго раза замѣтно было, что она готовилась высказать какое-то тяжелое душевное горе. Обильныя слезы душили ее: вмѣсто словъ слышались какое-то всхлипыванье и неопредѣленные звуки, мало похожіе на звуки, обыкновенно произносимые людьми. Я неожиданно былъ пораженъ, недоумѣвая, что-бы это значило. „Вотъ, вотъ они, изверги!“ — послышались, наконецъ, слова, и новый потокъ слезъ полилъ еще съ большею силою, чѣмъ прежде, при чемъ женщина указала на сидѣвшихъ въ школѣ раскольниковъ — крестьянъ: фабричнаго рабочаго Петра Суганева, Ѳ. Богатырева, Матвѣя Самойлова, Сергѣя Клѣтанина. „Что, что съ тобою? Скажи, пожалуйста, о чемъ ты плачешь?“ — заговорилъ я. — Сидѣвшіе тутъ раскольники всѣ разомъ загалдѣли: „Зачѣмъ пришла? Кто тебя звалъ? Уйди отсюда! Кто его сбивалъ? Ребенокъ что-ль онъ?“ и проч. Желая поскорѣе услышать, въ чемъ дѣло, я, обратившись къ раскольникамъ, произнесъ: „замолчите, дайте выслушать“. „Какъ“, нахально заговорилъ Суганевъ, „насъ бесѣдовать звали, а велятъ молчать? Мы уйдемъ“. Онъ поднялся съ мѣста и, фран-

товски повертываясь, окидывая всѣхъ презрительнымъ взглядомъ, вышла. „Иди, иди“, — произнесъ я ему вслѣдъ: „если ты пришелъ кричать, ты не собесѣдникъ“. Услышавъ суровые, давно знакомые голоса раскольниковъ, женщина какъ-то сжалась, притихла, стараясь затаить печаль въ себѣ и не проявить наружно. Заставивъ смолкнуть раскольниковъ и ободривъ пришедшую, я услышалъ отъ нея слѣдующее:

„Оставшись послѣ мужа съ сиротами, я всѣ силы старалась употребить, чтобы Богъ помогъ мнѣ воспитать ихъ, въ люди вывести. Въ трудахъ и заботахъ не замѣтила, какъ прошло время, и выросли дѣти. Слава Богу, думаю: миновало горе, можно будетъ и отдохнуть. Оставалось мнѣ еще женить сына Петра. Петръ въ селѣ слылъ за парня работающаго и скромнаго, невѣста для него нашлась изъ хорошаго зажиточнаго дома. Ну что же, думаю, пусть женится. Пошла къ батюшкѣ. Все оказалось въ исправности; батюшка только сказалъ: хорошо, не хлопочи, обвѣнчаемъ. Дѣло сдѣлалось. Сначала все шло, какъ слѣдуетъ; сынъ жилъ попрежнему. Воли дѣтямъ я не давала; не забывали они и храмъ Божій, говѣли ежегодно, и Петръ причащался въ послѣдній разъ въ 1896 году. Три года тому назадъ мы сгорѣли. Кто испыталъ, тотъ знаетъ, каково это перенести. Снова всей семьей пришлось хлопотать и заботиться, какъ-бы построить домишко. Сна почти я не знала, работала, и дѣти, напрасно не скажу, усердно мнѣ помогали. Смотрю только Петръ какъ-то измѣнился. Чаше и чаще онъ сталъ уходить изъ дому къ тестю. Нужно работать, а онъ тамъ сидитъ себѣ; намъ подчасъ ѣсть было нечего, а у него деньги являлись на пустяки; а то вдругъ появится хорошая одежда новая: полушубокъ, поддевка и др. Знала я, откуда все это появляется, и удивляться было нечему: тесть награждаетъ. Но вотъ бѣда: какъ бы сына-то не потерять; тесть человѣкъ больно коварный, вдобавокъ раскольникъ, значить, прямой врагъ намъ по вѣрѣ. Не быть тутъ хорошему, подсказывало мнѣ сердце, — и точно. Прошло нѣсколько времени, и Петръ мой совсѣмъ къ тестю переселился. Поплакала я, пошла

къ свату, чтобъ поговорить съ сыномъ: „не хорошо, моль, въ нуждѣ мать бросать“, а сынъ мнѣ и не показался. Слезами видно, дѣлу не поможешь, да и то пришло на разумъ: пусть живетъ, все равно тремъ братьямъ въ одномъ домѣ не жить, рано или поздно разойдутся; а тещь человекъ состоятельный, поставитъ сына ноги. А то мнѣ, глупой, и въ голову не пришло, что сынка моего деньгами, одежкой да обувочкой заманиваютъ въ расколъ. Потомъ я стала замѣчать: пойду въ церковь, гляжу, гляжу, а Петра моего нѣтъ; а то до меня дойдутъ слухи, что Петра въ Симбирскъ возили истинную древнюю службу показать; архіерей, слышь, служилъ, Иванъ Степанычъ подъ руку его подводилъ. Крѣпко мнѣ запала думушка, какъ бы повидаться и поговорить съ сыномъ, но сколько разъ ни ходила, никакъ не могла услѣдить его. Посылала за нимъ старшаго сына, чтобъ онъ пришелъ повидаться съ матерью: не пускаютъ, нейдетъ. Внучекъ хотѣла какъ-нибудь зазвать къ себѣ, пораспросить, — подойду къ нимъ, а они такъ ласково посмотрятъ на меня и убѣгутъ, — „прощай“, бабынька, скажутъ: „намъ не велятъ съ тобой говорить!“ Пока я искала случая поговорить съ сыномъ, какъ вдругъ 7-го января сего года сосѣдка прибѣжала ко мнѣ и говоритъ: „Степановна, ты сидишь и ничего не знаешь, а у Суганевыхъ пріѣхалъ изъ города раскольниковъ попь, твоего Петруху съ женой въ расколъ переводить“. Я такъ и обмерла; сгоряча, собравъ всѣ силы, побѣжала къ Суганевымъ; пусть изобьютъ, думаю, да не дамъ я своего сына въ расколъ. Подбѣгаю къ дому, а ребяташки кричатъ: „Петруху сейчасъ раскольникомъ сдѣлали“. Не видя свѣта, толкнулась я къ Суганевымъ въ комнатку: она оказалась запертой. Тогда ноги подо мной подкосились, я какъ-то сразу потеряла силы и едва-едва до дому доплелась; слегла и болѣе недѣли лежала, не могла ни пить, ни ѣсть. Когда же понемногу стала поправляться, пришло мнѣ на мысль: Господи! За что Ты меня такъ наказалъ? Лучше бы сына моего въ острогъ посадили, чѣмъ къ раскольникамъ онъ ушелъ. Христа, вѣдь, онъ продалъ! Немного поправившись, я какъ тѣнь стала бродить

по селу, ища случая когонибудь увидѣть: сына или когонибудь изъ его семейныхъ. Разъ увидала сноху и говорю: „Анна, побойтесь Бога; что вы со мной дѣлаете! Неужели Петра-то въ расколь вы сманили? Я вся сохну, хлѣба лишилась; безъ ножа вы меня рѣжете; грѣхъ вамъ будетъ! — „Не хуже тебя живемъ и понимаемъ, что дѣлать; опоздала учить-то“, — проговорила Анна и отвернулась. Горько мнѣ было выслушать такія рѣчи, да дѣлать нечего. Въ другой разъ пришлось увидать внучку Душеньку (12 л.). Она, пугливо обернувшись во все стороны и убѣдившись, что никто не видитъ, съ радостью подошла ко мнѣ, поздоровалась и тотчасъ же хотѣла уйти. На наше счастье никто не проходилъ. Слово за слово она мнѣ рассказала: „Бабушка, какъ мы у тебя привыкли жить и дѣлать, теперь насъ за все бранять: будемъ ли Богу молиться, за столъ садиться и проч. Въ праздникъ страсть какъ хочется въ церковь со своими подругами по прежнему сходить, не пускаютъ. Я вотъ недавно какъ-то съ бабушкой (т. е. Софроньевой) иду мимо церкви, смотрю, все останавливаются и крестятся, — и я, по привычкѣ, перекрестилась: такъ мнѣ за это послѣ все руки отбили.“ Силь не хватило у меня больше задерживать внучку, одно я только могла сказать: „иди, голубушка-страдалица, домой, да смотри, кто бы не увидалъ“.

„Страшно рассказывать, батюшка, что совершилось, когда Петра съ семьею причащаль раскольнической попъ. Въ первое время послѣ перехода Петра въ расколь, кто только ни говорилъ со мной объ этомъ: не только взрослые но и дѣти. Вмѣстѣ съ другими ребятами подошла къ нашему дому дѣвочка Марѳа Дохтырева, дочь раскольника, лѣтъ 9-ти. Привѣтивъ ее, я спросила, была ли она у Суганевыхъ, когда Петра моего приводили въ расколь? „Какъ же, Степановна, была; что и случилось тогда съ вашей Дуней, все инда испугались и дома объ этомъ долго говорили. Какъ только Дуню попъ хотѣлъ причастить, такъ изо рта у ней кровь полилась. Попъ-то, видно испугался, что-то поговорилъ съ дядинькой Павломъ, а причащать ее такъ и не сталъ“. Богъ, видно, не допустилъ надругаться раскольникамъ

надъ душой невиннаго ребенка: вѣдь ей всего еще три годочка“. Такъ заключила свой горько-плачевный разсказъ до глубины души оскорбленная мать.... „Батюшка, если возможно, защитите!“

Выслушавъ печальный разсказъ матери отпадшаго, я просилъ отца Снѣгирева послать за лицами, прикосновенными къ дѣлу. „Сейчасъ два раза посылалъ“, отвѣтилъ батюшка,— „и Иванъ Софроньчовъ и Петръ Мартышкинъ окончательно не желаютъ явиться.“ Пришлось начать собесѣдованіе съ сидѣвшими троими раскольниками, при явномъ нежеланіи съ ихъ стороны вступать въ разсужденія.

Боясь строжайшаго запрещенія вступать съ православными миссіонерами въ бесѣды, наложеннаго на своихъ пасомыхъ именуемымъ лже-епископомъ Самарскимъ и Симбирскимъ Алексѣемъ, присутствующіе раскольники упорно смотрѣли въ землю, не слушая, что говорилось, постоянно перебивая заявленіями, что имъ некогда бесѣдовать, что они маломощны и ничего не знаютъ; что бесѣдовать миссіонерамъ пужно съ ихъ пастырями, а не съ ними и проч. Только самыя очевиднѣйшія и строгія правила (2 пр. Сардк. соб.; 6 прав. Гангр. соб.; 43 прав. Карѣ. соб.), вычитанныя изъ старинной Кормчей, явно изобличающія всю противозаконность перехода Босно-Сараевскаго митрополита Амвросія къ раскольникамъ, вызвали два-три возраженія съ ихъ стороны. „А какъ Савва и Θεодосій Іоанна-то изъ ереси приняли? Или: Хиротонія Донатистовъ какъ это принята была въ церкви? *).

Проговоривъ два часа, я кончилъ бесѣду безъ надежды ожидать отъ нея той или иной пользы. Послѣ таковыхъ бесѣдъ тяжело бываетъ на душѣ миссіонера, а хотѣлось бы такъ или иначе заронить искру свѣта въ помрачившіеся отъ различныхъ раскольническихъ лжеученій умы раскольниковъ. Нашлась со мною книга „Замѣчанія на книгу Мечъ духовный“ Е. Антонова, из-

*) Пусть не удивляется читатель: отъ раскольниковъ, о которыхъ ранѣе сказано, что они крайне невѣжественны, приходится слышать подобныя возраженія. Это безъ толка и смысла заученныя, когда-то слышанныя, фразы, о смыслѣ которыхъ Ишеевскіе старообрядцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія.

данная Московскимъ братствомъ Св. Петра Митрополита, уговорилъ показавшагося мнѣ поспокойнѣе другихъ раскольникаа Ѳ. Богатырева взять себѣ эту книгу для прочтенія. Изъ нея не позаимствуетъ-ли онъ что-нибудь полезное, хотя отчасти не потеряетъ-ли слѣпюго довѣрія къ своимъ руководителямъ, а главнѣе всего — не возымѣтъ-ли желанія въ другой разъ заговорить съ православными проповѣдниками истины по поводу прочитаннаго.

Священникъ-миссіонеръ *А. Сокольскій*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Христіанское чтеніе за 1897 г.

(Окончаніе).

Вопросъ о соединеніи старокатоликовъ и англиканской церкви съ церковью православной, возникшій въ недавнее время, вызвалъ рядъ статей, посвященныхъ этому предмету. Такъ по первому вопросу въ книжкахъ за іюль и августъ мѣсяцы помѣщена статья П. С. Соколова подъ названіемъ: „*Поборникъ началъ старокатолицизма въ прошломъ столѣтіи*“. Здѣсь излагается жизнь Гонтгейма, трирскаго викарія, возстававшаго противъ развитія папской власти надъ національными церквами и противъ того абсолютизма, къ которому она стремилась и который хотѣла оправдать какъ догматическими, такъ и историческими основаніями. Въ опроверженіе этихъ притязаній Гонтгеймомъ написано было капитальное сочиненіе въ XXIX гл., гдѣ онъ, въ духѣ православныхъ восточныхъ богослововъ, разбираетъ и находитъ недостаточными выставляемыя папистами основанія въ защиту папства.

Второму вопросу посвящены статьи: „*Матеріалы по вопросу объ англиканской церкви*“ (за іюль и августъ); „*Православный грекъ на кафедрѣ архіепископа Кэнтерберійскаго*“ проф. А. П. Лопухина и „*Седьмой вселенскій соборъ по взгляду англійскаго журнала*“ А. Л. (сентябрь).

Изъ „*Матеріаловъ*“ особенно интересенъ отчетъ прот. Васильева о его поѣздкѣ въ Англію по приглашенію богослововъ